

[...]

Вот так вот ноябрьским днём,
Пока раскаляются точки
На крохотном шаре земном,
Пока набухают плевочки

В сиреневой влаге небес
И что-то готовится в мире –
Я делаю кофе френч-пресс
В большой одинокой квартире

И думаю только о нём:
«Зачем он сказал – не сказал?
Зачем обернулся конём?
Зачем ускакал на вокзал?»

На ком остаётся вина
За слепленное из букв?
«Очнись – на границе война» –
Пролистываю Facebook

И всё понимаю до дна –
Но думаю только о том,
Что вот – я сегодня одна,
А завтра – с соседским котом.

А годы спустя – в пустоте
Уютно обставленных комнат
Младенец в святой нагоде
Меня не найдёт и не вспомнит.

58

Младенец получит диплом,
Ходить будет важный и стройный,
А в мире своим чередом
Шуметь будут волны и войны.

И он, может быть, из окна
Посмотрит уставший на реку
И вспомнит, как я здесь одна
Всеми двадцать первому веку

Слагала полночный рассказ,
Заснула и видела сны:
Пылает война вокруг нас,
Но нет между нами войны.

[НАДПИСЬ НА КАМНЕ]

У зелёного пруда
О любви поёт вода.
Не ходи туда.

В той воде русалка спит,
На постель из лунных плит
Свет разлит.

Спит холодная краса,
Кто посмотрит ей в глаза,
Тот – слеза.

Добрый всадник, зря минут
Не теряй, скачи, а тут –
Солон пруд.

[...]

Возможно, ваш компьютер заражён,
Возможно, завтра будет непогода,
Возможно, режет кухонным ножом
Сосед за стенкой ручки у комода.

Возможно, я сказала не про то,
Возможно, ты подумал не об этом.
Висит в шкафу осеннее пальто,
А я его сносила этим летом.

Всё невпопад, и в спину отдаёт
Грудная боль, а думалось: «Едва ли
Сегодня будет дождь». И крепнет лёд
Забытой в морозилке «Цинандалы».

Но будем завершать. Возможно, ты,
Возможно, я, возможно, мы, возможно...
Лежат на клумбе мёртвые цветы,
Задетые рукой неосторожной.

[...]

В ночной засаде страхов и стихов,
В бессчётном преступлении завета
Не то теснит, что не простят грехов,
Но мрак иной терзает до рассвета –

Придёт тихонько ласковый покой,
И, не жалея, выведут чернила:
Жила, болела корью и тоской
И никого не свете не любила.

[...]

Привычно догорел обычный день,
И капли звёзд напали во тьму.
«Пойду на воздух», – «Тёплое надень.
Возьмёшь сухое белое?» – «Возьму».

Взрывает полночь голубой раскат.
«Всё не могу решить вопрос простой:
Господь сердит или свой грешный сад
Он освежает спелую водой?» –

«Ты выпила», – «Я выпила давно.
Но хмель того вина не растворим
Так просто», – «Милая, закрой окно,
ложись ко мне, потом поговорим».

Уносят дни настенные часы –
Стучит каблук по длинной мостовой.
«Ты спишь?» – «Я спал», – «Какие видел сны?» –
«Я сплю ещё. Мне снится голос твой».

Тревожными лучами мрак прошит.
Заплакано стекло. «Который час?» –
«Четыре... Пять... Всё не могу решить:
Господь спасёт или погубит нас?»

Рассвет вползает медленно, как тать,
Вскрывает тайники ночных углов.
«А мне никак сегодня не понять,
Что станет с нами после стольких слов?» –

«Мне рано на работу». Стынет твердь.
Дождь разучил кантату на трубе.
«Но чтобы ты спала ночами впредь,
Послушай, милая, что я скажу тебе:

Мы станем небом, звёздами, луной,
Орлом в полёте, голубем в руке.
Мы станем полем, зёрнами, травой,
Собакой в будке, ланью вдалеке.

И если нам положат сотню лет
59 Грести в Оби чешуйчатым хвостом –
Мы выплывем и превратимся в свет,
Разлитый над Димитровским мостом».

[...]

Мой друг, бесконечно страдание!
В столетии злом и лихом
Надёжней всего созерцание
И радость о белом сухом.

Пусть градом идут озорчения,
Мы встанем под градом таким,
Откроем отцов поучения
И свяжемся белым сухим.

И если кто крикнет, отчаянный:
– В чём правда на этой земле?!
– Конечно в любви, – отвечаем мы, –
Разлитой в прозрачном стекле.

